

СТРУКТУРА ДЕЕПРИЧАСТИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА:
специфика грамматического значения
состояния**Мунтасыра абдур-Рахман Хамидь аль-рикаби, Хишам Али Хуссейн**

Аннотация. В статье утверждается, что принадлежность деепричастия к гибриднему классу слов порождает научные проблемы, в частности, вопрос о грамматическом значении состояния как его признаке, нерешенность которого и определяет актуальность этой статьи. Акцентируется внимание на изучении возможности существования у деепричастия одного из приписываемых ему грамматических признаков — значения состояния. Постулируется, что научное исследование дает основания утверждать, что деривационные деепричастия могут быть сопоставимы с глаголами как активного, так и пассивного состояния, но эти образования не представляют коррелятивной пары состояния, поскольку на речевом уровне это приводит к нарушению субъект-объектных отношений, следовательно, грамматическое значение состояния от мотивировочного глагола деепричастие не наследует.

Ключевые слова: деепричастия, деривационные причастия, категория состояния причастия, гибридный класс, грамматические признаки, коррелятивность.

Для цитирования: Мунтасыра абдур-Рахман Хамидь аль-рикаби, Хишам Али Хуссейн. Структура деепричастий русского языка: специфика грамматического значения состояния // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Часть 2. С. 385–394. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-385-394

385

THE STRUCTURE OF RUSSIAN PARTICIPLES:
Special Features of the Grammar Meaning of State**Muntasyr Abdur-Rahman Hamid al-Rikabi, Hisham Ali Hussein**

Abstract. The article argues that the belonging of the participle to a hybrid class of words generates scientific problems, in particular the question of the grammar meaning of state as its feature, the pendency of which determines the relevance of this article. The article focuses on the study of the possibility of the existence of one of the grammatical features

© Мунтасыра абдур-Рахман Хамидь аль-рикаби, Хишам Али Хуссейн, 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ascribed to the participle — the meaning of state. It is postulated that scientific research gives grounds to say that derivational participles can be comparable to active as well as passive state verbs, but these formations do not represent a correlative pair of state, because on the speech level this leads to a violation of the subject-object relation, so the grammatical meaning of state from the motivational verb the participle does not inherit.

Keywords: *participles, derivational participles, participle state category, hybrid class, grammatical features, correlativity.*

Cite as: Muntasyra Abdur-Rahman Hamid al-Rikabi, Hisham Ali Hussein. The Structure of Russian Participles: Special Features of the Grammar Meaning of State. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2021, No. 1, part 2, pp. 385–394. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-385-394

Деепричастия — класс морфологических единиц, который по гетерогенному принципу классификации частей речи выделяется в особую группу, при этом их грамматические признаки и статус части речи окончательно не установлены. Деепричастия и деепричастные обороты возникли и закрепились в русском языке в процессе развития грамматического строя языка и усовершенствования тех грамматических средств, при помощи которых становится возможным выражение мысли с разными ее оттенками. Имея тесную связь с глаголом и наречием, деепричастия по своей функции в предложении приближаются к роли глагола-сказуемого и в то же время выполняют функцию обстоятельства. Деепричастные конструкции обычно выступают как синонимы некоторых сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными и как синонимы некоторых видов простых предложений с однородными сказуемыми и распространенными обстоятельствами. Отдельные деепричастные конструкции синонимами не бывают.

Языковеды по своим подходам к определению места деепричастия в морфологической системе языка делятся на

три группы. Первую составляют те, кто признает деепричастие гибридной наречно-глагольной категорией, которая входит в число форм глагола, но имеет потенциальную способность к адвербиализации [1, с. 308–313, 345]. Эту идею В. Виноградова, которая в свою очередь основывается на взглядах А. Павского, в русистике поддерживает В. Русановский, А. Грыщенко, В. Горпинич, А. Селиванова и др. [2].

Ко второй группе принадлежат те исследователи, которые считают деепричастие отдельной самостоятельной частью речи, имеющей как признаки глагола и наречия, так и свои собственные семантико-грамматические ориентиры. Эта мысль была высказана А. Пешковским, поддержана Д. Овсянником-Куликовским, а позже развита в трудах В. Бабайцевой и Л. Чесноковой, С. Дорошенко, Л. Лысак [3; 4].

Третий подход, распространенный среди современных грамматистов, имеет в основе концепции В. Богородицкого, который относил деепричастия к наречиям. И. Выхованец, подчеркивая вербоидный характер этого класса слов, рассматривает его в качестве отглагольного наречия [5, с. 143–144].

Под таким же углом зрения рассматривают деепричастие К. Городенская, А. Загнитко, И. Кучеренко и их научные ученики, последователи [5; 6].

Несогласованность в оценке морфологической сущности деепричастия порождает и неоднозначные взгляды на его грамматические признаки, в частности, набор грамматических категорий, присущих этому, несомненно, морфологическому гибриду. Если такие морфологические признаки, унаследованные от мотивировочного глагола, как категория вида, категории переходности / непереходности и оборотность действия, а также категория времени с определенными оговорками, связанными с морфологической нейтрализацией ее значений (как соотношение времени деепричастий и основного глагола), признает в деепричастии большинство языковедов, то о выделении категории состояния среди лингвистов нет единого мнения.

Известные советские языковеды В. Виноградов и Л. Булаховский рассматривают в основном грамматическое значение деепричастий. Так, Л. Булаховский, раскрывая основные синтаксические функции деепричастных конструкций в украинском и русском языках, указывает на важное стилистическое значение их в обоих языках. В работах В. Борковского, кроме истории деепричастий, значительный интерес представляет постановка вопроса о стилистической цели употребления параллельных синтаксических конструкций — с деепричастными оборотами и с обстоятельственными придаточными предложениями.

Вслед за В. Виноградовым состояние деепричастия определяет В. Горпинич, С. Дорошенко, П. Дудик, М. Леонова (хотя и не последовательно), Л. Лысак,

А. Селиванова и др. И. Выхованец, К. Городенская, рассматривая деепричастие как наречие отглагольного происхождения, считают его безкатегорийным классом слов, поэтому, соответственно, отрицают существование у него всех глагольных категорий.

Учитывая такое положение изучения проблемы, представляется актуальным уточнить грамматические свойства деепричастия, в частности, вопрос о грамматическом значении состояния. Не делая акцент на частиречевую отнесенность этого морфологического класса слов, поддерживаем в основном взгляды В. Виноградова на деепричастие как на форму глагола гибридного (вербоидного) характера, что подтверждается категориальным значением, грамматическими показателями вида, переходности / непереходности и таксиса, синтаксическими функциями и связями.

Таким образом, цель данной статьи — изучить возможности существования в деепричастиях одного из приписываемых ему грамматических признаков — значения состояния.

Представляется, что ответ на вопрос: имеет деепричастие значение состояния или нет, кроется в понимании теми или иными лингвистами самой сути грамматического признака состояния, его объема. Так, В. Виноградов, отказавшись от ломоносовской схемы шести значений состояния, которая сложилась под влиянием греко-латинских грамматик и просуществовала до начала XX века, и основываясь на взглядах П. Фортунатова, А. Потемни, А. Попова, Д. Овсяннико-Куликовского, А. Шахматова, считает, что суть значения состояния заключается в отношении действия к реальному (логичному) субъекту и объекту, а потому категорию состояния ученый связывает с категорией

переходимости / непереходности и считает, что ее имеют только переходные глаголы или непереходные с постфиксами *-ся*, образованные от переходных. Оставшиеся непереходные глаголы вне состояния, поскольку не предполагают прямого объекта действия.

Историческим зерном грамматического значения состояния В. Виноградов называет соотношения и противопоставление активных и пассивных оборотов [1, с. 501]. Однако считает, что эти отношения в современном языке запутанные и не всегда прямые. Ученый утверждает, что значение состояния выражается в соотношении обратимых и необратимых форм одного и того же глагола, то есть связывает эту категорию с обратимостью / необратимостью глаголов. При этом лингвист учитывает сложную взаимосвязь лексических и грамматических значений, которые несет в себе употребление постфикса *-ся*. Таким образом, В. Виноградов выделяет грамматическое значение активного, пассивного и обратного состояния. Отметим, что такой же взгляд на проблему у М. Жовтубрюха, который называет (вслед за «Русской грамматикой», 1960) оборотное состояние возвратно-средним [7, с. 330–334]. Современные ученые (П.А. Лекант, О.М. Чупашева, С.М. Колесникова, М.В. Дегтярёва и др.) продолжают развивать идеи В.В. Виноградова [8–12], рассматривая деепричастие как «чисто глагольную форму» и выявляя «его грамматический синкретизм», отмечая «глагольные категории вида и частично залога» [13, с. 139].

Активное (действительное, основное) состояние — это состояние глагола, при котором субъект (агенс) в именительном падеже занимает позицию подлежащего и направляет действие на

прямой объект, выраженный винительным падежом без предлога, занимающим позицию прямого дополнения. Ему противопоставляется производное от активного пассивное состояние, когда субъект действия является пассивным носителем действия (пациентом), выражается творительным падежом и занимает позицию косвенного агентивного приложения.

Пассивное состояние образуется с помощью постфикса *-ся* от переходных глаголов. Те глаголы на *-ся*, которые образовались от переходных глаголов, но не могут иметь при себе приложения в творительном падеже (логического субъекта), относятся к возвратным, которые, в свою очередь, делятся на семантико-грамматические группы. В них действие направлено на субъект (действующее лицо), выходит из него и сосредотачивается в нем, не имея выхода на объект, то являясь одновременно и объектом действия: *купаться, одеваться, мотаться, заботиться, качаться, встречаться* и другие.

Несколько иначе значение состояния понимает В. Русановский и его последователи. Они считают, что «формы состояния передают две взаимосвязанные ситуации значений, посредством которых разрывается соотношение реального деятеля с грамматическим подлежащим: 1) логический субъект (деятель) и грамматическое подлежащее совпадают (Человек рубит дерево); 2) логический субъект (деятель) и грамматическое подлежащее не совпадают (Дерево срублено человеком)». Он утверждает, что отношения состояния актуальны только для переходных глаголов и их семантических соответствий с нейтрализованной переходностью, выражаемыми двумя противопоставленными формами: активной и

пассивной. Другие глаголы находятся вне категории состояния. Этот взгляд поддерживают И. Выхованец и К. Городенская, однако с определенными оговорками — изъяс из парадигмы конструкций пассивного состояния финитные глаголы на *-ся*, которые «традиционно считали типичным средством создания пассивных форм к непереходным глаголам несовершенного вида [5, с. 243]. С этим утверждением трудно не согласиться, хотя, поскольку такие конструкции существуют, нельзя их категорически изымать из парадигмы состояния.

Другой точки зрения, которая кажется глубоко аргументированной и убедительной автору, придерживаются языковеды А. Бондарко, И. Милославский, авторы «Русской грамматики» (1980), В. Горпинич, А. Муромцева и другие. Они считают, что категория состояния — общеглагольная категория, она присуща всем глаголам. Однако в одних случаях субъект действия грамматически и логически совпадает (*Идет морось*), в других — нулевой (*Моросит*) или логически оказывается в синтаксически маркированной позиции (*Матери не лежится*). Таким образом, выделяются граммы активного и пассивного состояния, образующие сословную пару как словоформы одного глагола (*убирать — убираться, рассматривать — рассматриваться*).

Попутно хотелось бы указать на научно не совсем корректное определение В. Горпинича постфикса *-ся* как такового, что «выполняет функцию окончания, а не суффикса» [2, с. 188]. Трудно представить, что в русском языке в словах могут быть две флексии, ведь глаголы хоть в пассивном, хоть в активном состоянии создают финитные формы с помощью личных или

родовых флексий. Наверное, речь идет о формотворческой функции постфикса *-ся*, хотя и такое утверждение вызывает сомнение, поскольку пассивное состояние творится от активного все-таки с изменением значения, носителем которого и является постфикс *-ся* — указывает на семантико-грамматическую смену отношений субъект / объект действия, отмечает и А. Загнитко, который связывает создание пассивного значения глагола со словообразованием, поскольку как следствие появляется новая лексема [6, с. 194]. Глаголы, не образующих актива / пассива, принадлежат к односоставным, в основном активного состояния (*сидеть, прыгать, молчать, кричать, смеяться, гордиться, драться* и так далее).

Таким образом, чтобы реализовать приписываемый деепричастиям грамматический признак состояния, который имеет в своей основе корреляцию «активная конструкция / пассивная конструкция», необходимо создать пару состояния, содержащую граммы активного / пассивного состояния. Поскольку в одной из работ, где утверждается грамматический признак состояния деепричастия, не приводятся подобные конструкции, а иллюстрации ограничены отдельными словами («*качать — качаться и качая — качаясь, обувать — обуваться и обувая — обуваясь*» [2, с. 221], приведем в качестве примеров ряд слов, отталкиваясь от употребления показателя *-ся* по смыслу: *брить — бриться и брея — бреясь, мыть — мыться и моя — моясь, умывать — умываться и умывая — умываясь, причесывать — причесываться и причесывая — причесываясь* (рефлексивное употребление); *строить — строиться и строя — строясь, определять —*

определяться и *определяя* — *определяясь* (пассивное употребление); *катить* — *катиться* и *катя* — *катясь*, *включать* — *включаться* и *включая* - *включаясь*, *равнять* — *равняться* и *равняя* — *равняясь* (декаузативное употребление); *двигать* — *двигаться* и *двигаю* — *двигаюсь* (автодекаузативное употребление); *целовать* — *целоваться* и *целую* — *целуюсь*, *обнимать* — *обниматься* и *обнимаю* — *обнимаюсь* (взаимное употребление); *извинять* — *извиняться* и *извиняю*, *ласкать* — *ласкаться* и *ласкаю* — *ласкаюсь* (возвратно-каузативное употребление); *печатать* — *печатаясь* и *печатая* — *печатаясь*, *выставлять* — *выставляться* и *выставляю* — *выставляюсь* (объектное имперсональное употребление); *открывать* — *открываться* и *открываю* — *открываюсь*, *раскупать* — *раскупаться* и *раскупаю* — *раскупаюсь* (модально-пассивное употребление).

Кроме того, попробуем смоделировать предложения с предложенными выше деепричастиями так называемого пассивного состояния: *Качаясь ветром, на ветке сидит воробей* или *Обуваясь парнем, сапоги оказались на ноге*. Как видим, такие модели невозможны в русском языке, как невозможны вообще грамемы пассивного состояния в глаголе *обуваться*, который принадлежит односоставным активным состояниям (собственно обратным), отмечает в другом месте и сам автор [там же, с. 191].

В этом случае имеем смешение понятий состояние и возвратность глагола и образованного от него деепричастия. Деепричастия, несомненно, сохраняют возвратность мотивировочных глаголов, что фиксируется сохраненным постфиксом *-ся*, однако связывать это явление с проявлением активности / пассивности этой формы глагола не стоит.

Смоделируем нормативное предложение с пассивной конструкции в основе: *Пособие используется студентами*. Его синтаксический синоним с активной конструкцией в основе — *Студенты используют пособие*. Помня, что деепричастие означает дополнительную процессуальность основного действия, выполняет функцию второстепенного сказуемого (А. Шахматов, В. Русановский, В. Горпинич и др.) или функцию определительно-обстоятельной процессуальности (С. Дорошенко, П. Дудик, Л. Лысак) и действия, названные глаголом и деепричастием, касающиеся всегда одного и того же субъекта (добавим — логического, реального субъекта), попробуем ввести в предложение с пассивной конструкции сначала однородное сказуемое, которое далее превратим в деепричастие и оборот с ним: *Пособие присутствует в кабинете и используется студентами*. Как видим, предложение достаточно искусственное, стилистически неудачное, потому грамматический субъект в одном и том же случае является логичным объектом (вторым сказуемым) и логическим субъектом (первое сказуемое). Такой синкретизм невозможен, потому что не отражает реальной ситуации. Соответственно, нельзя представить и конструкцию такого предложения с деепричастными оборотами: *Пособие является в кабинет, используясь студентами**. Единственно возможный вариант: *Пособие, которое есть в кабинете, используется студентами* или *Пособие, использующееся студентами, есть в кабинете*, то есть синтаксис предусматривает обязательное «разведение» логических субъектов с их нишами в грамматике. Если же оба сказуемые в предложении относятся к пассивному состоянию, то преобразование одного

из них в деепричастие возможно: *Пособие прорабатывается студентами и используется (ими) для написания курсовых работ — Пособие, обрабатываясь студентами, используется (ими) для написания курсовых работ*, хотя и такие конструкции производят впечатление «перегруженных» пассивом, а потому стилистически неуклюжих. По той же схеме можно рассмотреть также следующие предложения: *Правила составляются администратором в ручном режиме — Администратор составляет правила, Правила составляются администратором в ручном режиме и сохраняются в профиле — Правила, составляясь администратором, сохраняются в профиле; Данный вопрос рассматривается депутатами — Данный вопрос рассматривают депутаты, Данный вопрос рассматривается депутатами и изучается комиссией — Данный вопрос, рассматриваясь депутатами, изучается комиссией; Камни разбиваются каменичками — Камни разбивают каменички, Камни разбиваются каменичками и складываются под навес — Камни, разбиваясь каменичками, складываются под навес.*

Таким образом, деепричастия — это своеобразная грамматическая категория слов, выражающая действие или состояние, второстепенное по отношению к действию или состоянию, переданному в предложении глаголом-сказуемым. Деепричастия в предложении грамматически относятся к глаголу-сказуемому, логически — к подлежащему или дополнению. При этом деепричастия, концентрируя вокруг себя отдельные слова и группы слов, образуют словосочетания глагольного типа, своеобразие которых заключается в их предикативности.

Лексико-грамматическое значение деепричастия и его синтаксическая

функция тесно взаимосвязаны между собой. В конструкциях с четко выраженной временной соотносительностью действий функция деепричастия и деепричастного оборота близка к второстепенному сказуемому. Если временная соотносительность действий сглажена, деепричастия и деепричастные обороты употребляются в роли обстоятельства. Обстоятельственная функция деепричастия неоднородна с функцией наречия-обстоятельства. Деепричастиям и деепричастным оборотам свойственна предикативность, они вносят в предложение элемент соотношения действий, чего нет при выражении обстоятельства другими лексикограмматическими категориями.

Место деепричастия и деепричастного оборота в предложении обусловлено их синтаксической функцией, видовременной зависимостью действий, выраженных деепричастием и глаголом-сказуемым, построением предложения. При помощи изменения места деепричастного оборота стилистически видоизменяется предложение, за исключением тех случаев, когда перемена места оборота влечет за собой изменение временной соотносительности действий.

Деепричастные обороты по своему значению приближаются к обстоятельственным придаточным предложениям, деепричастия — к глаголу-сказуемому или обстоятельству, выраженному отглагольным именем существительным. Такая соотносительность создает благоприятные условия для употребления синонимических конструкций с целью достижения разнообразия грамматической структуры предложения и передачи различных оттенков мысли. Использование синонимических конструкций обусловлено семантико-

грамматическим значением деепричастия и глагола, выражением временной соотносительности предложения.

Итак, образовав деепричастие от глагола пассивного состояния, далеко не всегда можно принять его в соответствующем предложении, не нарушив при этом соотношение «логическое — грамматическое». Предложения с такими деепричастиями не могут трансформироваться в синонимичные синтаксические конструкции с глаголами активного состояния, то есть деепричастия не являются формами состояния актива / пассива соответствующих глаголов, они не принимают этой категории в мотивирующем глаголе, как это происходит с категорией вида или валентности глагола.

Известно, что любая категория проявляется в корреляции грамматических значений, вербализованных определенными грамматическими формами. Но слова *раскрывая* — *раскрываясь*, *решив* — *решившись* и тому подобные не являются носителями активного / пассивного состояния, поскольку синтаксические конструкции с ними не выражают коррелятивных грамматических значений, они не соотносятся друг с другом: предложения *Директор, раскрывая новые возможности в работе, обнародовал и определенные недостатки* не предусматривает в качестве возможной корреляции конструкцию *Новые возможности в работе, раскрываясь директором, обнародовали и определенные*

*недостатки**, потому что деепричастный оборот всегда является определительно-процессуальным дополнением основного действия, если это касается логического субъекта.

Таким образом, деепричастия типа *раскрываясь, создаваясь, отстроившись* и так далее можно позиционировать лишь через их деривационную соотнесенность с глаголом активного или пассивного состояния (или одного состояния), грамматическое значение которого раскрывается в контексте: *Матиола раскрывается на ночь* и *Тема раскрывается учеными*.

Такие деепричастия могут участвовать в образовании пассивной конструкции — деепричастного оборота (*раскрываясь учеными, создаваясь народом, отстроившись спонсорами*), однако никогда этот оборот не превратится в активную конструкцию без изменения семантики предложения: *Создаваясь народом, песни станут достоянием национальной культуры* — *Создавая песни, народ делает их достоянием национальной культуры*. Итак, деепричастие, принадлежа к гибриднему классу слов, требует с каждым степенью развития языкознания все большего внимания к изучению своих грамматических признаков и морфологического статуса. Если в ходе этого будут учитываться все объективные языковые факторы, установление истины можно считать прогнозируемым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
2. Горпинич, В.О. Морфология: учебник. Киев: Изд. центр «Академия», 2004. 335 с.
3. Дорошенко, С.И. К вопросу про грамматический статус деепричастия // Лингвистические исследования: Сб. науч. работ. Харьков: ХНПУ им. Г. С. Сковороды, 1992. С. 12–23.
4. Лысак, Л.К. Синтаксико-стилистические функции предложений с деепричастием в стилях современного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. ХНПУ им. Г.С. Сковороды. Харьков, 2007. 20 с.

5. *Выхованец, И.* Теоретическая морфология. Киев: Пульсари, 2004. 398 с.
6. *Зажитко, А.П.* Теоретическая грамматика. Морфология: монография. Донецк: ДонНУ, 1996. 437 с.
7. *Жовтобрюх, М.А.* Литературный язык. Киев: Научная мысль, 1984. С. 85–110.
8. *Колесникова, С.М.* Вопрос о словах категории состояния // *Русский язык в школе*. 2017. № 2. С. 16–20.
9. *Колесникова, С.М.* Залог и залоговость в современном русском языке // *Русский язык в школе*. 2016. № 4. С. 53–56.
10. *Лекант, П.А.* Грамматические категории слова и предложения. М.: МГОУ, 2007.
11. *Чупашева, О.М.* Грамматика русского деепричастия. Мурманск, 2008.
12. *Дегтярёва, М.В.* Частеречный статус предикатива. М., 2007.
13. *Мучник, И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 298 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk. Grammaticeskoe ucenie o slove* [Russian Language. Grammar Teaching about the Word]. Moscow, Higher school, 1972, 601 p. (In Russ.)
2. Gorpinih V.O. *Morfologija: ucebnyk* [Morphology: Textbook]. Kiev, Ed. Center “Academy”, 2004, 335 p. (In Russ.)
3. Doroshenko S.I. K voprosu pro grammaticeskij status deepricastija [To the Question of the Grammatical Status of the Gerunds]. In: *Lingvisticskie issledovanija: Sbornik nauchnykh rabot* [Linguistic Studies: Collection of Scientific Works]. Kharkiv, 1992, pp. 12–23. (In Russ.)
4. Lysak LK *Sintaksiko-stilisticeskie funkcii predlozenij s deepricastiem v stiljah sovremennogo jazyka* [Syntactic and stylistic Functions of Sentences with Gerunds in the Styles of Modern Language]: Extended Abstract of PhD dissertation (Philology). Kharkiv, 2007. 20 p.
5. Vyhovanets I. *Teoreticeskaja morfologija* [Theoretical Morphology]. Kiev, Pulsari, 2004, 398 p.
6. Zagnitko A.P. *Teoreticeskaja grammatika. Morfologija: monografija* [Theoretical Grammar: Morphology: Monograph]. Donetsk, 1996, 437 p. (In Russ.)
7. Zhovtobryukh M.A. *Literaturnyj jazyk* [Literary Language]. Kiev, 1984.
8. Kolesnikova S.M. Vopros o slovah kategorii sostojanija [Question about Words of the Category of State]. *Russkij jazyk v škole = Russian Language at School*, 2017, No. 2, pp. 16–20. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Kolesnikova S.M. Zalog i zalogovost v sovremennom russkom jazyke [Voice in the Modern Russian language]. *Russkij jazyk v škole = Russian Language in School*, 2016, No. 4, pp. 53–56.
10. Lekant P.A. *Grammaticeskie kategorii slova i predlozenija* [Grammatical Categories of Words and Sentences]. Moscow, Moscow State University, 2007. (In Russ.)
11. Chupasheva O.M. *Grammatika russkogo deepricastija* [Grammar of the Russian Adverbial Participle]. Murmansk, 2008. (In Russ.)
12. Degtyareva M.V. *Casterechnyj status predikativa* [Partial Predicative Status]. Moscow, 2007.
13. Muchnik I.P. *Grammaticeskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom jazyke* [Grammatical Categories of Verb and Name in the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka, 1971, 298 p. (In Russ.)

Мунтасыра абдур-Рахман Хамидь аль-рикаби, кафедра русского языка, факультет языков, Багдадский университет, munalrekaby@yahoo.com

Muntasyr Abdur-Rahman Hamid al-Rikabi, Russian Language Department, Languages Faculty, University of Baghdad, munalrekaby@yahoo.com

Хишам Али Хуссейн, кафедра русского языка, факультет языков, Багдадский университет, hisham.hussein@colang.uobaghdad.edu.iq

Hisham Ali Hussein, Russian Language Department, Languages Faculty, University of Baghdad, hisham.hussein@colang.uobaghdad.edu.iq

Статья поступила в редакцию 17.08.2020. Принята к публикации 06.11.2020

The paper was submitted 17.08.2020. Accepted for publication 06.11.2020